

Мотив смерти лесного великана в мансийских сказках

Л. Н. Панченко

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
pan4enko.ludm@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья входит в комплекс исследований, направленных на изучение мотивной структуры мансийской сказки. В данной работе фокус внимания сосредоточен на репрезентации мотива смерти лесного великана Мёҗква и анализе атрибутов, сопутствующих ему.

Цель: выявить способы репрезентации мотива смерти лесного великана в мансийских сказочных текстах, объяснить семантику атрибутов.

Материалы исследования: тексты мансийских сказок, опубликованные в фольклорных сборниках, а также полевой материал автора и устные сообщения информантов.

Результаты и научная новизна. Новизна исследования обусловлена тем, что впервые на основе фольклорных данных раскрывается мотив смерти персонажа, проводится анализ атрибутики смерти.

В ходе анализа текстов сказок определено, что мотив смерти Мёҗква (лесного великана) реализуется в нескольких вариантах сюжетов. В них представлены атрибуты смерти: пешня, накалённая на огне, стрелы из кедра или с огненным наконечником, огонь, берестяная маска, которые семантически восходят к мифологии народа.

Ключевые слова: Мёҗкв, персонаж, мотив смерти, атрибуты смерти, берестяная маска, мансийская сказка

Благодарность: выражаю благодарность информантам, владеющим мансийским языком, знающим традиции и культуру народа.

Для цитирования: Панченко Л. Н. Мотив смерти лесного великана в мансийских сказках // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 246–255.

The motif of the death of a forest giant in Mansi tales

L. N. Panchenko

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
pan4enko.ludm@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is part of a complex of research aimed at study of the motif structure of a Mansi fairy tale. In this paper, the attention is focused on the representation of the motif of the death of the forest giant Мёҗkv and the analysis of his attributes.

Objective: to reveal the ways of representation of the motif of the death of the forest giant in the Mansi fairy-tale texts; to explain the semantics of attributes.

Research materials: texts of the Mansi fairy tales published in folklore collections, as well as the author's field material and reports of informants.

Results and novelty of the research: the scientific novelty of the work is justified by the very formulation of the problem: on the basis of folklore data, the motif of the death of the character is revealed; for the first time an analysis of the attributes of death is carried out.

It was determined that the motif of the death of the Мёҗkv (forest giant) is realized in several versions of the plots. They present various attributes of death: an iron crowbar heated on fire, cedar arrows or arrows with burning tips, fire, birch bark mask, which semantically go back to the mythology of the people.

Key words: Мёҗkv, character, motif of death, attributes of death, birch bark mask, Mansi fairy tale

Acknowledgements: the author expresses gratitude to the informants who speak the Mansi language and know the traditions and culture of the people.

For citation: Panchenko L. N. The motif of the death of a forest giant in Mansi tales // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (2/53): 246–255.

Введение

Смерть как один из главных компонентов мифологической картины мира не раз привлекала пристальное внимание исследователей. Как отмечает Р. Н. Красильников, «существует большое количество терминов, традиционно используемых для анализа художественного воплощения смерти: “философия смерти”, “категория смерти”, “идея смерти”, “концепция смерти”, “представления о смерти”, “тема смерти”, “проблема смерти”, “мотив смерти”, “концепт смерти”, “образ смерти”, “изображение смерти”, “репрезентация смерти” и др. Некоторые из этих понятий являются общенаучными, философскими, антропологическими, культурологическими, другие – специфическими для литературоведения или филологии в целом; одни характеризуют план содержания, вторые – план выражения; третьи – обе стороны танатологического знака» [7]. Мотив смерти встречается в фольклорных и литературных произведениях. Нередко он становится сюжетообразующим и определяет структурно-семантическую направленность всего текста. Так, систему символов и мотивов, в том числе и мотив смерти в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» рассмотрела Т. А. Полякова [14], М. О. Граматчикова в диссертации «Мотивный комплекс моления о чаше в русской поэзии 1930–1940-х годов» проанализировала мотив смерти [2]; системный анализ по мотивам состояний персонажей в русских народных волшебных сказках провела Т. В. Краюшкина [8]; литовские филологи Aistė Vitkūnė, Skirmantė Šarkauskienė раскрыли бинарную оппозицию жизнь и смерть в сказках Г. Х. Андерсена [32], Е. В. Косинцева обращалась в своих исследованиях к анализу мотивов в художественных произведениях, в том числе был рассмотрен мотив смерти великана Менка в хантыйских сказках [28], В. Н. Соловар раскрыла лингвосемиотические особенности знаков смерти в хантыйских сказках и преданиях [22], коллективом авторов в лингвокультурологическом аспекте была исследована модель бытия человека в неразрывной связи с его внутренним миром и жизненным пространством [4].

В данной работе мы поставили перед собой следующие задачи: систематизировать фоль-

клорные сюжеты, связанные с мотивом смерти лесного великана; выделить причины смерти и сопутствующую атрибутику, которая встречается в текстах мансийских сказок с персонажем Мёнкв; раскрыть её семантику. Под атрибутом мы понимаем некий аспект, который помогает идентифицировать, классифицировать или описывать репрезентацию мотива смерти лесного великана.

Материалы и методы

В качестве материала исследования используются фольклорные тексты мансийских сказок, опубликованные в сборниках [5, 6, 9; 10; 11; 16; 17; 18; 19; 20; 24; 25; 26], материалы, собранные и записанные автором во время экспедиции по населённым пунктам Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2009 г., а также устные сообщения информантов (С. А. Поповой и В. С. Мерова).

Методы исследования: мотивный анализ, дополненный описательным и структурно-типологическим методами.

Результаты

Внешний облик лесного великана – популярного персонажа мансийских сказок – неоднозначен. В фольклорных текстах он предстаёт то людоедом в мохнатой шкуре, то помощником главного героя или его наставником, одетым в традиционную одежду, то воином в кольчуге или доспехах. Встречи с ним происходят далеко от человеческого жилья. В большинстве случаев это густой непроходимый лес, богатый дичью и зверем, иногда это топь или болото [12; 13; 31]. При встрече с лесным великаном герои сказочных сюжетов, а чаще всего это персонаж Эква-пыгрись ‘Тётушкин племянник’, богатырь или охотник, стремятся обмануть, обхитрить или убить его, при этом забирая себе всё имущество Мёнква и его добычу. Для обмана они пользуются различными уловками, хитростями.

Анализируя сюжеты мансийских сказок с мотивом смерти лесного великана, можно выделить следующие причины: смерть от руки человека, от испуга, от дерева, от животного, непосредственно от рук святого покровителя и естественная смерть.

1) **Смерть от руки человека.** В данных сюжетах чаще всего встречаются такие атрибуты,

как пешня, накалённая на огне; стрелы из кедра с костяным или огненным наконечником; огонь. Именно эти предметы являются сказочными орудиями убийства.

В сказке «Мёҗкв-Ойка» герой лишает великана жизни, пустив стрелу в определённую цель (место между ключицами), от чего Мёҗкв погибает. Принадлежащие герою стрела и лук сближаются по семантике с богатырским оружием на основе сравнения: издают при выстреле звук, подобный грому: «Пыге нъялэ та тара-таме суйты, ёвт янтуве та мираталме суйты» [11, 340] ‘Было слышно, как сын пустил стрелу, тетива лука при выстреле сильно загремела [словно гром]’. При этом Мёҗкв не просто умирает, а его разрывает на части. В традиционной культуре манси лишение целостности физического облика символизирует невозможность последующего возрождения.

В сказке «Эква-пыгрись и Мёҗкв» герой убивает великана, ударив по голове пешнёй: «Тав луймас вис, кол ала сурум сунт палт ёх-тыс, луймасыл Мёҗкв ойка пуҗке ратыстэ, алыстэ» [20, 225] ‘Он пешню взял, влез на крышу к отверстию и пешнёй Мёҗква по голове ударил и убил его’ и т. д. В сказке «Яныг ойка» ‘Пожилой мужчина’ отец охотников, накалив на огне пешню, убивает Мёҗква: «Ойка тымус луймас найлныл та алмаитэ, Мёҗкв Ойка та аластэ» ‘Мужчина в то же время взял пешню, накалённую на огне и убил Мёҗква’ [17, 101]. Удар по голове, её разрушение как вместилища одной из жизней человека, также свидетельствует об окончательной смерти фольклорного персонажа.

2) **Смерть от испуга.** Испуг – это временное исчезновение души-дыхания. При сильном испуге душа может не вернуться к человеку. В данном случае причиной смерти служит берестяная маска, которая способна заставить Мёҗква испытать сильное эмоциональное потрясение (испуг). В сказке «Асыу-Тёрыу-Мёҗкв-Пыгрись» ‘Мёҗкв-Мальчик-С-Болячками-Коростами’ приёмный младший брат великанов показывает маску, которую изготовил охотник. Они, увидев её, падают от страха: «Ань утыт та рагсыт» [11, 352] ‘Эти существа и рухнули [замертво]’. В другой сказке великаны, только услышав слова от маски, пугаются и, убегая, падают замертво «Маткем ми-насыг, апыгрисе та рагатас <...> акит ойка

ос та рагатам» [10, 60]. ‘Некоторое расстояние пробежали, внучок его упал <...> дедушка тоже упал [замертво]’.

3) **Смерть от дерева.** Испугавшись, лесные великаны находят свою смерть, напоровшись на дерево, которое было расколото молнией. Например, в сказке *Сяс нёл* ‘Берестяной нос’ Мёҗкв погиб, наткнувшись на лиственницу: «Мёҗкв ойка тув лёуктахтам, ань лилитэ ати» [16, 168] ‘Мужчина Мёҗкв туда наткнулся, и жизни его нет’. Чаще всего деревом смерти в мансийских фольклорных текстах выступает кедр или лиственница.

4) **Смерть от животного.** В сказочных текстах нередко помощником героя выступает конь (чаще всего Эква-пыгрись). Например, в сказке «Эква-пыгрись» животное помогает убить Мёҗквов: «Мёҗкв Ойка Эква-Пыгрись лувын та саухвасавес, Мёҗкв та кулатас ‘Конь Эква-Пыгрись Мёҗква пнул, Мёҗкв и упал (замертво)’» [17, 56]. Медведь же зачастую упоминается в сказках как даритель волшебной силы, с помощью которой герой одолевает лесного великана. Например, в сказке «Эква Пыгрись, три Мёҗква и Порхсуп» Мёҗквы говорят юноше: «Тебе, внучек, *пупатици* силы дал, знания дал [потому ты такой сильный]» [26, 49].

5) **Смерть непосредственно от рук святого покровителя.** В сборнике сказок «Мансийская (вогульская) народная поэзия» (собрание и перевод Арттури Каннисто) нами обнаружен текст, в сюжете которого охотник обращается с молитвой к родовому защитнику Тэк-Отыру, прося его о защите, пообещав тому приношения в виде белого коня. Услышав молитву охотника, дух-покровитель убивает великана, но при этом сам не появляется на глаза человеку, а на месте гибели Мёҗква остаётся обломок от его меча [10, 37].

6) **Естественная смерть.** Данный факт фиксируется чаще в быличках, в сказочных сюжетах он встречается редко. Например, в сказке «Мёҗкв-ойка и человек» великан идёт добровольно на свою погибель. Он говорит человеку: «Ам олнэ таланум хбласыт, сбрумн тыт та хонтэгу, нау мот ййв тытн минэн, тыи ам ййвум» ‘Мои дни жизни закончились, смерть я здесь найду, а ты иди под другое дерево, это дерево моё’ [ПМА]. В хантыйской сказке «Бедняк» Мёҗкв, прожив

триста своих лет, забирается на кедр, чтобы его поразила молния [6, 34].

Исходя из обозначенных причин смерти фольклорного персонажа, определяется круг вопросов: почему Мёңков можно одолеть при помощи железных предметов, накалённых на огне, с помощью животных (медведь или конь) и почему они так боятся берестяной маски, убегают в страхе и ужасе, с истошными криками и воплями? Почему именно расколотые от молнии деревья (кедр или лиственница) становятся орудием убийства лесного великана?

Ответы, на наш взгляд, нужно искать в мансийской мифологии. Согласно иерархии покровителей мансийского пантеона, у *Нуми Тõрума* (верховного божества) есть ещё два брата и одна сестра – это *Танāl Ойка*, *Сяхыл Тõрум*, *Калтась Эква*, каждый из которых отвечает за ту или иную часть жизни людей.

Согласно мифологии манси, человека, Мёңков, других лесных существ и весь окружающий мир, создали боги. Великанов сделал из лиственницы *Нуми Тõрум* (по другой версии *Танал Ойка*), но жизнь в них вдохнула *Калтась Эква*, наделив их бессмертием. Поэтому уничтожить Мёңков может только бог или человек, но при помощи атрибутов, символизирующих божество. В сказке «*Асыу-Тёрыу-Мёнкв-Пыгрись*» («Мёңкв-Мальчик-С-Болячками-Коростами») герой говорит: «*Кāтра уй вõнханыл ос сāsнёл сака пилэгыт. Кāтра уй вõнханыл квāлум хум, Эрттам тамле та: Сās-Лõла-пола-Сāsнёл*» ‘Очень боятся прошлогодней берлоги и берестяной маски. С заброшенной берлоги вышедшее существо вот такое: Берестяная-Маска-Берестяной-Нос’ [11, 341], подразумеваемая под этим божеством *Танāl Ойку*. Со слов информанта В. С. Мерова, *Танāl Ойку* (букв. ‘той стороны мужчина’) на празднике представляют в берестяной маске, так как это его атрибут [Устное сообщение В. С. Мерова. Ханты-Мансийск. 2023].

Маска из бересты ассоциируется с *Калтась Эквой* и *Танāl Ойкой* – прародителями фратрии Мось, священным тотемом которых являлась берёза. Менквы же были в родстве с другой фратрией – Пор, члены которой произошли от медведя. Их тотемами являлись кедр, лиственница и зонтичное растение порых (*pori*), на которое похожи менквы. Между фратриями было постоянное противостояние. [21, 328, 332].

Вероятно, с этим связан страх Мёңков перед берестой и перед медведем.

В сказках маска может быть не только атрибутом смерти для великана, но и выполнять защитную функцию. Например, в сказке «Два охотника» мужчины заночевали в лесу. Один из них не только положил возле себя табак – угощение для Мёңква, но и берестяную маску (в качестве оберега), которую он изготовил [ПМА]. Великан, увидев маску не стал убивать охотника, а только взял подношение. Этот сюжет подтверждает бинарность семантики маски в фольклоре: она и атрибут смерти, и атрибут защиты. Т. В. Тимчук в своей работе «Сущность «Маски» в культуре народов мира» также указывала, что маска подразумевает под собой трансформацию, защиту от кого или чего-либо, маскировку, сокрытие истинных намерений. Она маркирует представителей иного мира, чётко отделяла их от мира людей [27].

Расколотые от молнии деревья, на которые натываются убегающие в страхе Мёңквы, огонь или железные предметы, раскалённые на огне, обнаруживают аналогию с *Сяхыл Тõрумом* (букв. ‘Бог Грома’), который своим оружием *сяхыл сёнк* ‘молния’ поражает злых существ, вредящих людям, – кулей (слуг божества Нижнего мира) и Мёңков. Огонь и железные предметы – это отсылка к огненным стрелам *Сяхыл Тõрума*. Более подробно об этом описано в статьях «Лесной великан Мёңкв – персонаж мансийского фольклора» [12, 658–671] и «Огонь как один из мотивов смерти Мёңква / лесного великана» [13, 337–350].

В сказке «Эква-пыгрись» герою убить Мёңков помогает его конь: «*Нён хунь сāгр-хатуункве, пёрсьсюункве патэгын, Мёңкв акваг ам палюм вāрелын, ам тах таве саңхвасылум, эрынк кит ёрыл таве порыслылмён*» ‘Когда вы сражаться, бороться начнёте, Мёңква старайся к моему уху подставить, я его тогда пну, тогда может быть мы вдвоём его одолеем’ [17, 55]. Стоит отметить, что в мансийских сказках конь, как персонаж, – явление довольно редкое. В основном он фигурирует как средство передвижения богатырей, в том числе и Эква-пыгрися. Возможно, это связано с тем, что он имеет также сакральное значение, являясь атрибутом духа-покровителя *Мир Суснэ Хума* (букв. ‘за миром смотрящий / следящий мужчина’),

одного из сыновей Верховного божества. Только в отдельных текстах сказок можно увидеть коня, наделённого речью и другими способностями персонажа-помощника (подарить герою меч, кольчугу, превратиться в обгорелый пенёк, летать по небу). Сакральность коня и его связь с небом отметил В. А. Бурнаков: «конь и его образ имеет множество символических значений. Он является одним из важных элементов в воззрениях и обрядности, связанных с жизнью и смертью. Нередко олицетворяет собой природные объекты и стихии. Одним из его маркирующих признаков является непосредственная связь с небом и отдельными объектами, расположенными на нём» [1, 106].

Медведь в анализируемых сказках не выступает напрямую как персонаж. Он не действует как герой, но на него есть косвенные указания или о нём говорят герои. Например, в сказке «Эква Пыгрись, три Мёҗква и Порхсуп» лесные великаны помогают человеку, считая, что силу и мощь, которая способна им навредить, ему подарил медведь [26, 42]. В сказке «Женщина, ищущая гнилушки» девушка спаслась от лесного существа, спрятавшись в заброшенной берлоге [9, 304], которая выступает в данном тексте как защита или оберег.

Обратим внимание на ещё один немаловажный факт. Лесного великана можно убить, только попав в определённое место на его теле. Варианты этого уязвимого места варьируются в фольклоре. Например, в сказке «Мёҗкв-Ойка» «Мужчина Мёҗкв» отец героя указывает сыну, где есть слабое место у Мёҗква. Он говорит, что «Мёҗкв-Ойка акв нёвиль пўллõмт õньси няхсам паттатõt. Нялн нау ёмаськве тув пõстэлн, тав рагаты!» «У Мёҗкв-Ойки есть один кусочек мяса между ключицами. Свою стрелу туда ты направь, он свалится!» [11, 341]. Мёҗкв в данной сказке имеет статус воина-завоевателя, так как шёл с войной на богатыря Таҗт-Котиль-Ойку, собираясь его низвергнуть. Следовательно, его тело было одето в доспехи или кольчугу, уязвимыми оставались только открытые участки, которые определены в тексте героем как «кусочек человеческого мяса». Остальные участки его тела были защищены металлом.

В другом источнике, который записан в XIX в. Б. Мунчачи от информантов манси, повествуется о том, что «Сåt мёҗкв мånь мёҗкв

сырхтульõвиль палт элмхõлас нёвиль пўл тот õлы ‘У этих семи Мёҗквов младшего Мёҗква человеческий кусочек мяса в мизинце находится’ [29, 23]. Текст с подобным сюжетом имеется и у современного исследователя мансийского фольклора М. В. Кумаевой, где Мёҗкву отрубает огненный палец, после чего он становится смертным [18, 16]. Пальцы руки выступали в качестве важных семиотических символов. За мизинец манси берут разговаривающего во сне человека, задавая ему при этом интересующие их вопросы. На медвежьем празднике исполнители священных песен (5–7 мужчин) держатся друг за друга мизинцами, что должно способствовать усилению энергетики главного исполнителя [Устное сообщение С. А. Поповой, Ханты-Мансийск. 2016].

Однако самым распространённым способом устранения лесных великанов является испуг причиной которого становилась берестяная маска и определённый набор звуков и слов, произносимый человеком (*Тунта пула яныг нёл* или *Сås-Лõлапол, ү-хүв!* и др.), похожих на заклинание или заговор. Если обратиться к семантике заклинаний и заговоров, то мы видим следующее:

1. В древности заговоры могли быть короткими и состояли практически из трёх-четырёх слов: *Сås-Лõлапол, ү-хүв!* и т. д. К тому же большое количество вариантов этих фраз продиктовано наличием разных диалектов в мансийском языке. Также очень часто в заклинаниях и заговорах наблюдаются изменения в грамматике, специально неправильное произношение слов, перевероты слов и т. д.

2. Заговоры и заклинания изначально производились громким голосом или с искажением, что мы и наблюдаем в сказочных текстах – герой произносит слова громко, изменяя голос, иногда переходя на писк или на бас. В этой связи Л. Н. Дашиева отмечает, что «человеческий голос, обладающий огромной эмоциональной силой воздействия на окружающий мир и социум, является особым звуковым инструментом, посредством которого достигается коммуникативная и магическая связь с Небом и предками» [3, 119].

В таких выражениях как *ү-хүв, õ-хов, ү-хү-хү, лу-хү, и-и-и-их, үхүв, аха-аха, вуль-вуль-вуль* явно слышится звукоподражание. Как известно, звукоподражание часто используется в

обрядов. В данном случае звуки, издаваемые героем, преследуют апотропейную функцию (защита, оберег). Кроме того, произнося эти звуки, герой сопровождает их действиями: стучит по дереву, топает ногами, хлопает в ладоши, танцует: «<...> *хўнтлы: матыр лясгалтаве, сўнквылты, йўкви* <...> *Ёлал та аўкваты: акв лāглуп Сāс-Элюмпут йўкви!*» [11, 352] ‘<...> слушает: что-то щёлкает, кто-то играет на инструменте, танцует <...> Вниз посмотрел: одноногая Берестяная Посуда танцует!’; *Мёўкв акитэ Элыпālн лўлюмтас, йўв сьякари та рāталтастэ, лāви: «Аким бйка, аким бйка, сāс лолал ты юв»* [11, 344] ‘Перед дедушкой Мёўквом встал, по кривому дереву ударяет, говорит: «Дедушка, дедушка, берестяная маска вот идёт’. Данные действия используются в некоторых обрядах.

На значимость голоса и звука обратила внимание исследователь культуры обских угров и ненцев В. И. Сподина. Она отметила уникальную роль звукоподражания, свиста как одну из замаскированных форм общения человека с богами, а также обращает внимание на значение ритмизированных звуков для усиления сакральности обрядовых действий [23, 563]. Такие табуированные слова являются отголосками древних языков [Устное сообщение от С. А. Поповой. Ханты-Мансийск. 2023].

Анализируя тексты, мы выделили несколько таких фраз, непонятных человеку, которые формируются в *пилптахтын лāтўыт* ‘пугающие слова’ и при этом действуют на лесных великанов раздражающе. Возможно, они напоминают речь вышедшего из берлоги существа, которого боятся Мёўквы. В быличках при визуализации перед человеком их речь похожа на бормотание, как речь маленького новорождённого ребёнка. Поэтому о речи новорождённого говорят, что он «говорит на языке Ло» [15, 97; 19, 126], *лāлами* ‘лепечет’. Согласно словарю Е. И. Ромбандеевой, глагол *лāламаўкве* означает «говорить непонятно, лепетать (о маленьком ребёнке, ещё не научившемся говорить)». Поэтому при переводе слов *Сāс Лāлапālн, Сāс лулупал, Сāс лолал, Сāс-лāла-пола, Тонты полы, Тунта пула*, которые встречаются в этих фразах видим следующее: *сāс* ‘береста, берестяной’, *лāла / лолал / лулы* производная от слова *лāламаўкве, пālн* ‘сторона’, значит Берестяной «Лола» с той стороны (пришедший). При

переводе второго варианта слов *Тонты полы яныг нёл, тонты полы яныг нёл* по словарю Б. Мункачи и Б. Кальман слова *Тўнта /тбнта* означают «береста, берестяной» [30, 654], *пала / пула* ‘часть / кусок’. Из этого следует, что буквальный перевод может быть следующим: ‘Из кусочка бересты большой нос’. Оба варианта указывают на лицо, пришедшее с «той» стороны, которое несёт опасность для Мёўквы.

Как уже говорилось выше, смерть лесного великана может быть и по естественным причинам. Такую реализацию мотива видим в сюжетах, в которых лесной великан выступает не как отрицательный персонаж, а как герой, спасающий людей.

Являясь жителями леса, Мёўквы целенаправленно идут умирать именно под кедр, они ищут определённое дерево, большое, раскидистое, которому уже много лет. Этот выбор так объясняют представители народа: «Кедр – это дерево которое до определённого возраста даёт силу, энергию человеку, а по достижению этого возраста, он в течение 3-х лет звенит, чтобы поделиться жизненной силой с человеком. Эту силу принимали шаманы и ведающие люди. Если вовремя не найти такое дерево, отзвенев, оно начинает поражать уже окружающий мир. Вытягивать из всего живого энергию, в том числе и из человека. Поэтому Мёўквы находят такое дерево, под которым они погибают. Таким образом, как бы приносят себя в жертву, чтобы спасти людей» [Устное сообщение В. С. Мерова. Ханты-Мансийск. 2023]. Кроме того, как было сказано выше, кедр являлся фратриальным деревом-покровителем Мёўквов.

Обсуждение и заключение

В статье впервые анализируются сюжеты мансийских сказок с мотивом смерти Мёўквы. Однако мотив смерти и атрибутика, с ним связанная, не становились предметом самостоятельного научного осмысления. Анализ фольклорных текстов показал, что варианты репрезентации мотива смерти лесного великана напрямую связаны с разнообразием сюжетов. Нами в статье выделено шесть таких вариантов: смерть от руки человека, от испуга, от дерева, от животного, от рук святого покровителя, естественная смерть.

В этих сюжетах представлены следующие орудия смерти: пешня, накалённая на огне,

стрелы с огненным наконечником или из кедра, огонь, берестяная маска. Эта атрибутика семантически восходит к мифологии народа. Такой атрибут как маска имеет бинарную семантику: охрана и орудие уничтожения. Варианты сказочных сюжетов с мотивом смерти лесного ве-

ликана напрямую связаны с этой атрибутикой.

Гибель лесного великана в мансийских сказках связана и с древними заговорами, поэтому в сказочных сюжетах с мотивом смерти Мёҗква зафиксированы и атрибуты, выполняющие охранительную, оберегающую функцию.

Список источников и литературы

1. Бурнаков В. А. Конь как небесное существо в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX – XX век) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 2 (36). С. 105–117.
2. Граматчикова М. О. Мотивный комплекс моления о чаше в русской поэзии 1930–1940-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2021. 218 с.
3. Дашиева Л. Д. Антропология звука в традиционной культуре монгольских народов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 3 (33). С. 118–126.
4. Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, Е. В. Тюттешева. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.
5. Иванова В. С. Пёс-йис сӓлыҗ мӓньсит мӓйтаныл-потраныл. Сказания-рассказы оленных манси. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 131 с.
6. Касэм йох пуртэт, арэт. Предания, песни казымских хантов / сост. Р. М. Потпот. Тюмень: Формат, 2014. 126 с.
7. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы как объект изучения: URL: <https://www.livelib.ru/book/178915/readpart-tanatologicheskie-motivy-v-hudozhestvennoj-literature-vvedenie-v-literaturovedcheskuyu-tanatologiyu-roman-krasilnikov/~6?ysclid=lgg8lmpcn142034645> (дата обращения: 07.04.2023).
8. Краюшкина Т. В. Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках: системный анализ: дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 536 с.
9. Лимэни йӓвтэм моньтэҗт, яснэт (Сказки, рассказы с реки Лямы): Фольклорный сборник на языке сургутских ханты / сост. А. С. Песикова, А. Н. Волкова. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 328 с.
10. Мансийская (вогульская) народная поэзия: тексты мифологического содержания, молитвы / сост. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2016. 152 с.
11. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.
12. Панченко Л. Н. Лесной великан Мёҗкв – персонаж мансийского фольклора // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 658–671.
13. Панченко Л. Н. Огонь как один из мотивов смерти Мёҗква / лесного великана // Горизонты цивилизации. 2019. № 10. С. 337–354.
14. Полякова Т. А. Поэтика романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»: Система символов и мотивов: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2002. 166 с.
15. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
16. Сайнахова А. И. Рассказы и сказки на мансийском и русском языках. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2016. 224 с.
17. Сакв я махум манси мойтыт. Сказки сыгвинских манси / сост. Е. Е. Качанова. Саранпауль: [б. и.], 1999. 106 с.
18. Сказки, песни, загадки народа манси: фольклорный сборник / сост. М. В. Кумаева. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 164 с.
19. Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / сост. М. В. Кумаева. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. 176 с.
20. Словарь манси (восточный диалект) / собиратель и составитель Е. А. Кузакова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 315 с.
21. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
22. Соловар В. Н. Лингвосомиотические особенности знаков смерти в хантыйских сказках и преданиях // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 39–48.
23. Сподина В. И. Звук / голос как особый вид обрядово-ритуальной коммуникации // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 563–572.
24. Тӓҗт мӓхум мӓйтӓт – потрыт. Сказания-рассказы людей Сосьвы / сост. В. С. Иванова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 126 с.

25. Тăгт ос Сакв мăхум потраныл-мăйтаныл. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы / сост., пер. с манс. языка С. А. Поповой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 1. Сăлы урнэ ойка мăйтыт. Сказки оленевода. 108 с.
26. Тăгт ос Сакв мăхум потраныл-мăйтаныл. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы / сост. С. А. Попова, С. М. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. Вып. 2. Вăраян мăхум мăйтыт. Сказки охотников. 96 с.
27. Тимчук Ю. М. Сущность «Маски» в культуре народов мира // Аналитика культурологии. 2013. № 2 (26). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/1565-сущность-маски-в-культуре-народов-мира.html> (дата обращения: 07.04. 2023).
28. Kosintseva E. V. The motif of Menk's death in fairy tales // International Conference «Research transfer» (November 28, 2018. Beijing, PRC). Beijing: Scientific publ. house Infinity, 2018. Part 1: Participants' reports in English. Pp. 224–230.
29. Munkácsi B. *Vogul népköltési gyűjtemény*. Budapest: [w/p], 1896. K. IV. 440 p.
30. Munkácsi B., Kálmán B. *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest: Akademiai kiado, 1986. 950 p.
31. Panchenko L. N. Menk/giant of the Forest in folklore of the people of Mansi // International Conference «Research transfer» (November 28, 2018. Beijing, PRC). Beijing: Scientific publ. house Infinity, 2018. Part 1: Participants' reports in English. Pp. 231–235.
32. Vitkūnė A., Šarkauskienė S. Binary Opposition of Life Vs Death in H. C. Andersen's Fairy Tales // International journal of humanities and cultural studies. 2022. Vol. 8. Issue 4. Pp. 110–122.

Полевые материалы автора

ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Хурумпауль Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, июль-август 2009 г. (информант: Н. И. Хозумов, 1932 г. р.).

References

1. Burnakov V. A. *Kon' kak nebesnoye sushchestvo v religiozno-mifologicheskikh predstavleniyakh khakasov (konets XIX – XX vek)* [A horse as a heavenly creature in the religious and mythological ideas of the Khakass people (late XIX – XX centuries)]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2022, no. 2 (36), pp. 105–117. (In Russian)
2. Gramatchikova M. O. *Motivnyy kompleks moleniya o chashe v russkoy poezii 1930–1940-kh godov* [The motif complex of prayer for a cup in Russian poetry of the 1930–1940s]. Yekaterinburg, 2021. 218 p. (In Russian)
3. Dashieva L. D. *Antropologiya zvuka v traditsionnoy kul'ture mongol'skikh narodov* [Anthropology of sound in the traditional culture of the Mongolian people]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2021, no. 3 (33), pp. 118–126. (In Russian)
4. *Zhiznennoye prostranstvo i dukhovnyy mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri* [Living space and the spiritual world of a man through the prism of Siberian languages]. Ed. by N. B. Koshkaryova, E. V. Tyuntesheva. Novosibirsk: Akademizdat Publ., 2021. 300 p. (In Russian)
5. Ivanova V. S. *Lokal'nye osobennosti v obryadnosti severnykh mansi (konec XIX – nachalo XXI veka)* [Local features in the rites of the Northern Mansi (late XIX – early XXI centuries)]. Khanty-Mansiysk: IIC YUGU Publ., 2010. 282 p. (In Russian)
6. *Kasehm joh putreht, areht. Predaniya, pesni kazymskih hantov* [Legends, songs of the Kazym Khanty people]. Comp. by R. M. Potpot. Tyumen: Format Publ., 2014. 126 p. (In Khanty, Russian)
7. Krasilnikov R. L. *Tanatologicheskiye motivy kak obyekt izucheniya* [Thanatological motifs as an object of study]. Available at: <https://www.livelib.ru/book/178915/readpart-tanatologicheskiye-motivy-v-hudozhestvennoj-literature-vvedenie-v-literaturovedcheskuyu-tanatologiyu-roman-krasilnikov/~6?ysclid=lgg8lmpcn142034645> (accessed April 07, 2023). (In Russian)
8. Krayushkina T. V. *Motivy sostoyaniy personazhey v russkikh narodnykh volshebnykh skazkakh: sistemnyy analiz* [Motifs of the characters' states in Russian folk fairy tales: systemic analysis]. Ulan-Ude, 2010. 536 p. (In Russian)
9. *Jiməŋi yövətəm mon'ət, yashət» (Skazki, rasskazy s reki Lyamy): Fol'klornyy sbornik na yazyke surgutskikh Khanty* [Tales, stories from the Lyama River: Folklore collection in the language of the Surgut Khanty people]. Comp. by A. S. Pesikova, A. N. Volkova. Khanty-Mansiysk: Yugrafika Publ., 2013. 328 p. (In Khanty, Russian)
10. *Mansijskaya (vogul'skaya) narodnaya poehziya: teksty mifologicheskogo soderzhaniya, molitvy* [Mansi (Vogul) people's poetry: texts of mythological content, prayers]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2016. 152 p. (In Mansi, Russian)
11. *Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov)* [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Vogul) people]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 475 p. (In Mansi, Russian)

12. Panchenko L. N. *Lesnoy velikan Mēḡkv – personazh mansiyskogo fol'klora* [The forest giant Mēḡkv is a character of Mansi folklore]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 4 (8), pp. 658–671. (In Russian)
13. Panchenko L. N. *Ogon' kak odin iz motivov smerti Mēḡkva / lesnogo velikana* [Fire as one of the motifs of the death of Mēḡkv / forest giant]. *Gorizonty tsivilizatsii* [Horizons of Civilization], 2019, no. 10, pp. 337–354. (In Russian)
14. Polyakova T. A. *Poetika romana M. Ye. Saltykova-Shchedrina "Gospoda Golovlevy": Sistema simvolov i motivov* [Poetics of the novel by M. E. Saltykov-Shchedrin "The Golovlyov Family": System of symbols and motifs]. Yelets, 2002. 166 p. (In Russian)
15. Popova S. A. *Obryady perekhoda v traditsionnoy kul'ture mansi* [Rites of transition in the traditional culture of the Mansi people]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. 180 p. (In Russian)
16. Saynakhova A. I. *Rasskazy i skazki na mansiyskom i russkom yazykakh* [Stories and fairy tales in the Mansi and Russian languages]. Khanty-Mansiysk: Print-Class Publ., 2016. 224 p. (In Mansi, Russian)
17. *Sakw ya mahum mansi moityt. Tales of the Sygvin Mansi* [Fairy tales of the Sygva Mansi people]. Comp. by E. E. Kachanova. Saranpaul: [w/p], 1999. 106 p. (In Mansi, Russian)
18. *Skazki, pesni, zagadki naroda mansi: fol'klornyy sbornik* [Fairy tales, songs, riddles of the Mansi people: folklore collection]. Comp. by M. V. Kumaeva. Khanty-Mansiysk: Yugorsky format Publ., 2015. 164 p. (In Mansi, Russian)
19. *Skazki, predaniya i bylichki verhnesos'vinskih mansi* [Fairy tales, legends and bailichkas of the Upper Sosva Mansi people]. Comp. by M. V. Kumaeva. Khanty-Mansiysk: Izd-vo Yugrafika Publ., 2012. 176 p. (In Mansi, Russian)
20. *Slovar' mansi (vostochnyy dialekt)* [Dictionary of the Mansi people (Eastern dialect)]. Comp. by E. A. Kuzakova. Moscow: Ins. Etnologii i antropologii RAN Publ., 1994. 315 p. (In Mansi, Russian)
21. Sokolova Z. P. *Khanty i mansi: vzglyad iz XXI v.* [Khanty and Mansi peoples: look from the XXI century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 752 p. (In Russian)
22. Solovar V. N. *Lingvosemioticheskiye osobennosti znakov smerti v khantyyskikh skazkakh i predaniyakh narodov Sibiri* [Linguistic and semiotic features of the signs of death in Khanty fairy tales and legends]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia], 2023. no. 1 (45), pp. 39–48. (In Russian)
23. Spodina V. I. *Zvuk / golos kak osobyiy vid obryadovo-ritual'noy kommunikatsii* [Sound / voice as a special type of ritual communication]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (3), pp. 563–572. (In Russian)
24. *Tāgt māhum mōjtyt – potryt. Skazaniya-rasskazy lyudej Sos'vy* [Tales and stories of the people of the Sosva river]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2004. 126 p. (In Mansi, Russian)
25. *Tāgt os Sakv māhum potranyl–mōjtanyl. Rasskazy-skazki naroda Sos'vy-Sygvy. Vyp. 1. Sāly urneh ojka mojtyt. Skazki olenevoda* [Stories and tales of the people of the Sosva and Sygva rivers]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2001. Vol. 1. 108 p. (In Mansi, Russian)
26. *Tāgt os Sakv mākhum potranyl–mōjtanyl. Rasskazy-skazki naroda Sos'vy-Sygvy. Vyp. 2. Vōrayan mākhum mōjtyt. Skazki okhotnikov* [Stories and tales of the Sosva and Sygva peoples]. Comp. by S. A. Popova, S. M. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Pechatnoe delo Publ., 2010. Vol. 2. 96 p. (In Mansi, Russian)
27. Timchuk Yu. M. *Sushchnost' "Maski" v kul'ture narodov mira* [The essence of a "mask" in the culture of the peoples of the world]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies]. Available at: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/1565-сущность-маски-в-культуре-народов-мира.html> (accessed April 07, 2023). (In Russian)
28. Kosintseva E. V. The motif of Menk's death in fairy tales. *International Conference "Research transfer" (November 28, 2018. Beijing, PRC)*. Beijing: Infinity, 2018. Part 1. pp. 224–230. (In English)
29. Munkácsi B. *Vogul népköltési gyűjtemény*. Budapest: [w/p], 1896. K. IV. 440 p. (In German, Mansi)
30. Munkácsi B., Kálmán B. *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest: Akademiai kiado, 1986. 950 p. (In German, Hungarian, Mansi)
31. Panchenko L. N. Menk / giant of the Forest in folklore of the people of Mansi. *International Conference "Research transfer" (November 28, 2018. Beijing, PRC)*. Beijing: Infinity, 2018. Part 1. pp. 231–235. (In English)
32. Vinczeová B., Saduov R. Transformation of Death in Postmodern Russian Fairy Tale Retellings. *Funes. Journal of narratives and social sciences*, 2018, no. 2, pp. 47–57. (In English)

Field materials of the author

Field materials of the author – *Ekspediciya v d. Hurumpaul', Beryozovskij rajon Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug – Yugry, Iyul' – avgust 2009 g. (Informanty: N. I. Hozumov, 1932 g. r.)* [Expedition to the village of Khurumpaul, Beryozovsky District, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, July – August, 2009 (Informants: N. I. Khozumov, 1932 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Панченко Людмила Николаевна, научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14 А), кандидат филологических наук.

pan4enko.ludm@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3316-2914

ABOUT THE AUTHOR

Panchenko Lyudmila Nikolaevna, Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Philological Sciences.

pan4enko.ludm@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3316-2914